

Заключительное слово иерея Глеба Грозовского в Приозерском городском суде Ленинградской области 10 января 2018 года.

В своём слове я обращаюсь к вам, Ваша честь, и ко всем здесь присутствующим. Я говорю с надеждой, что меня услышат, правильно поймут и примут справедливое решение.

Современный мир смотрит на отношения между людьми глазами Фрэйда – через призму самого низменного понимания любви. Однако, когда мы, православные люди, говорим о любви к детям, то мы не подразумеваем ничего грязного, в отличии от тех, кто не знаком со словом Агапэ (Евангелие от Иоанна, 3:16).

В переводе с греческого языка Агапэ – это понимание взаимоотношений и проявления, в высшей степени жертвенной любви, вовсе не связанной с пониманием Фрэйда. Именно об этом пишут святые отцы, и так живут тысячами монахи на Афоне. Это принципиально отличает нас – христиан от обычных людей. Мы смотрим на этот мир глазами любви, принесшей себя в жертву, любви, способной прощать несовершенство мира, в котором мы с вами находимся.

Как вы знаете, я вырос в многодетной семье. Места было мало, а нас много. Однако, у нас была очень дружная многодетная семья и любящие отец и мать. Это было главное! Как мне кажется, именно любви, заботы, внимания и уважения не хватает сегодня многим людям, и особенно, детям.

В Духовной Семинарии я защитил диплом на тему «Пастырско-Педагогическая Деятельность Священнослужителей в Детских Домах и Приютах. Его копия есть в материалах дела. Там я писал о том, что для полноценного развития ребёнка очень важно не только о нём заботиться, но и проявлять к нему любовь. К сожалению, не

все родители понимают это, а дети, при этом, испытывают нехватку родительской любви. Особенно остро это проявляется у детей в детских домах и интернатах, где я, на протяжении 14 лет, работал в качестве волонтера, а позже и священника.

При подготовке к работе в детском доме нас консультировали педагоги и психологи. Они обращали внимание на необходимость восполнения тактильной депривации, т.е. телесного контакта у детей, объясняя это тем, что это необходимо для полноценного психического и физического развития личности, а в дальнейшем и успешной социальной адаптации в обществе.

Благодаря своим родителям и полученным знаниям и опыту работы в детских домах и приютах, у меня сложилась эффективная методика работы с детьми. Я убедился, что дети очень доверчивы, быстро привязываются, всячески ищут любви и ласки; возможности взять за руку взрослых, побыть рядом, ощутить что их любят, и стараясь обнять взрослых, часто элементарно «виснут» на них. Детей не обмануть. Они всё чувствуют. Я никогда не злоупотреблял доверием детей, понимая всю меру ответственности, и не переходил границ дозволенного нравственным законом, стараясь лишь быть им максимально полезным.

В 24 года я женился, стал мужем, отцом, священником, а позже и настоятелем храма. В своём служении я продолжил педагогическую деятельность, работая с молодежью и детьми из воскресных школ и православных лагерей. За 14 лет работы я получил огромное количество благодарностей. В храм на исповедь ко мне приходили в большинстве женщины-матери, которые делились со мной своей непростой жизнью. Они приводили туда же своих детей. И те и другие часто нуждались во внимании, помощи и поддержке. Я старался сделать для них всё воз-

можно; относился к ним как отец, с любовью, вниманием и пониманием. Для меня они стали родными. Бывало, что через детей воцерковлялись и их родители. Таким образом, семьи моих воспитанников становились частью моей большой семьи – моего прихода. Мне, как священнику, хотелось наполнить их жизнь смыслом, восполнить у них эту нехватку любви. Я не делал различий между чужими и родными детьми, мальчиками или девочками. Так, при надобности, я мог их обнять вместо того, чтобы оттолкнуть, в то время как они «боролись» за право быть рядом со мной. Я не запрещал им брать меня за руки, садиться ко мне на колени. Некоторые дети искали этого внимания, и я считал, что не имею морального права быть бездушным и формальным в отношениях с ними.

Иногда я мог быть и строгим, и требовательным, и последовательным, и даже вполне предсказуемым. Мне было важно восполнить в моих воспитанниках дефицит агапэ любви и позаботиться о них. Однако, самым главным для меня, было рассказывать им о живой вере в Спасителя Иисуса Христа и быть добрым примером любящего отца и неравнодушного священника, для того, чтобы, таким образом, наполнить их жизнь любовью к Господу, как научили меня мои родители. Ничего предосудительного я не делал и не думал, как не думают родители, когда ухаживают, ласкают и заботятся о своих детях. В этом случае, они поступают не как педофилы – а как любящие родители!

Моя главная ошибка заключалась, наверное, в том, что я пеперешёл за грань того, что обычно считается обязанностью священника, и, в какой-то степени, взял на себя обязанности родителя, таким образом, желая повлиять на формирование самой личности ребенка. На самом деле, задача священника, прежде всего – заботиться о душе ребёнка, а мне хотелось помочь и восполнить

тот необходимый дефицит любви. Об этом хорошо пишет ап. Павел: "Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых".

Как вы понимаете, люди редко живут так, чтобы жертвовать всем своим свободным временем, и при этом, не ища во всём очередной выгоды. Меня не поняли, а точнее сказать, извратили, сделав из меня злодея, серийного маньяка, заставляя жить по законам этого материального мира и не лезть туда, где большие деньги и церковная репутация. Меня научили не быть легкомысленным, прислушиваться к намёкам и угрозам, так как это могут быть не пустые слова или сотрясение воздуха.

Я человек грешный, но не насильник и не педофил! Когда я узнал о предъявляемых мне обвинениях, я долго не мог в эти сплетни поверить, и не предполагал, что можно раздуть всё до мировых масштабов, когда тебе отведут в Яндексe первое место с оттенком минус. Конечно, мне трудно было справиться с собой, своими эмоциями, как любому другому человеку в такой ситуации. Именно поэтому я порой был излишне взволнован, раздражителен, несдержан в словах, вовлекался в крайности – за это простите меня! Это естественная человеческая реакция. Думаю, что любой другой человек в моём положении, наверное, повёл бы себя также.

Ваша честь, я рассчитываю на ваше человеческое понимание и справедливое решение.

В ходе судебного заседания мы слышали показания свидетелей, полностью опровергших саму возможность совершения мною преступления, которое не может быть доказано, поскольку самого события преступления нет как такового.

Основываясь на свои знания в области педагогики и возрастной психологии, на свой личный жизненный опыт работы с детьми и молодёжью и проанализировав документы и события через призму времени, я вижу несостоятельность предъявленного мне обвинения.

Мне вменяют насилие на острове Кос в Греции и на острове Коневец в России, когда вместе с детьми рядом были их родные. Девочки, о которых идёт речь, постоянно старались обратить на себя внимания, таким образом компенсируя нерватку родительской любви и ласки. Обвинение по острову Коневец выглядит абсурдно, комично и глубоко трагично для самой девочки, назовем её Катя. Абсурдно, потому что меня арестовали за совершенное преступление в 2013 году при наличии алиби в этом же году, когда я с семьей был в Турции. Перебрав все года, нашли 2009 год, когда эта девочка была в моей смене. Однако комичность обвинения состоит в том, что после допроса троих детей из домика августа 2009 года, которые жили с Катей и дали показания, что я не заходил и не делал ничего в их домике с Катей в тихий час, обвинение отпало. Преступление «в тихий час» (так написано в обвинительном заключении), как и в любой другой час не было доказано, так как оно отсутствовало. До 2013 года Катя и её родственники общались со мной и никаких признаков психотравмы не было. Они ездили в этот же лагерь. Катя—старший ребёнок в семье, и, насколько мне известно, с неврологическими проблемами и близорукостью, о которой говорили специалисты по делу в своих заключениях. Однако, дело ведь не в том, может она видеть без очков или нет, а в том, что другие соседки по домику, Лиза, Саша и Юлия опровергли само событие преступления. Врачами потом были описаны синдромы Кати. Психологи отмечали, что у неё явный дефицит мужского внимания.

Есть фото тех лет, где она виснет на другом священнике, а не на мне! Я никогда ничего не слышал об её отце. Она всегда отдыхала с бабушкой-поваром, свояченицей настоятеля Софийского собора города Пушкина. Что же касается трагичности ситуации, то мама Кати предъявила мне и моей семье иск за моральный вред и за то, что теперь Катя, помимо близорукости и неврологии, заболела онкологическим заболеванием – раком головного мозга в свои 17 лет. Справки об этом страшном диагнозе есть в материалах дела. Неужели деньгами можно будет оправдать гибель ребенка, которого взяли «в оборот» взрослые, чтобы разрушить мою жизнь и жизнь моей семьи? Почему Кати не было в суде чтобы сказать мне в глаза, что преступления не было? Значит, кому-то это было выгодно!

Коротко по обвинению с острова Кос в Греции. Назовем девочку Машей. Она из неполной семьи. Её родители были в разводе. До обвинения девочка с отцом не общалась, но после обвинения вдруг начала посещать секции хатха йоги, которые вёл её отец–Игорь – представитель индийского психокульта Шри Багавана в Санкт-Петербурге. Увидев её в лагере на о. Кос, я запомнил её по отношениям с мальчиком Серафимом. Она проявляла к нему интерес, потому что он, действительно, был интересным и музыкально-одаренным ребенком. Запомнил я её и по агрессивному поведению по отношению к девочке Ксении, после травмы которой, я довольно резко поговорил с Машей. Когда позже я ознакомился с нотариальной копией осмотра социальной страницы Маши к контакте, то пришел в ужас от обилия матерных выражений, которые там были. Мама Маши, назовем её Галина, предоставила документы о том, что у девочки из-за родовой травмы имеется органическое поражение головного

мозга, а сама мама Галина находится на лечении от онкологического заболевания в Германии. Этим было обусловлено отсутствие на суде и девочки Маши.

Помимо Маши следователи сделали обвиняемой и её соседку по кровати, которую, допустим, зовут Даша. И эта девочка тоже испытывала проблемы. За несколько лет до острова Кос она лежала в психиатрической больнице, и как результат, с детства боится замкнутых пространств. Со слов её мамы, до острова Кос у неё уже была психотравмирующая ситуация, связанная с сексуальным насилием. Этим объяснялся её безудержный, истеричный смех. Только потом я понял почему вожатая Светлана говорила о том, что до поездки в лагерь, мама Даши выпрашивала её о том нет ли на острове Кос педофилов. Мама Даши активно применяла к Даше лечение методом нетрадиционной медицины и оккультизма, чем, очевидно, нанесла ей духовную травму, которая, к сожалению может в дальнейшем проявиться в каком-либо серьёзном заболевании.

До исследования материалов дела я не знал, что девочки жили в смежном с мальчиками номере и спали на одной кровати. На это не обратили внимание и родители Даши, которые приехали на о. Кос через пару дней после нас и претензий к размещению у них не было. Дашины родители были недовольны питанием, организацией экскурсий, а не тем, что у девочки нет отдельной кровати. Меня обвинили в совершении преступления 19 августа, а на фото (21 августа) Даша спокойно сидит рядом со мной бок о бок в окружении детей и вожатых. Как же нужно было бояться меня, чтобы выбрать ближайшее место рядом со мной! Как раз в тот период я повредил связки на ноге и не мог ходить, и дети пришли ко мне в отель, где я жил со своей женой и детьми. Вы представляете! А ведь речь идёт о ребёнке со стра-

хами, о ребёнке, перенёшем очередное насилие, который затем возвращается домой и ничего не рассказывает своей родне о случившемся. Между прочим, её родственники находились с ней же на о. Кос.

По-видимому, в семьях Кати и Маши было не всё благополучно. Родители обеих девочек либо не знают о том, что необходимо проявлять свои чувства ласки к детям, либо не умеют этого делать, вероятно считая это лишним, не говоря уже о том, что матери никогда не смогут заменить девочкам отца, и дать им то, что может дать папа. Неудивительно, что любую заботу о детях, люди, не получившие отцовской любви, воспринимают однозначно как сексуальные домогательства и внушают это своим детям. В психологии есть такое понятие как тактильная депривация – болезнь, когда из-за отсутствия (дефицита) осязательных ощущений изменяется психическое состояние человека, которое, в свою очередь, может повлечь нарушение других систем человеческого организма, часто несовместимых с жизнью.

Мне искренне жаль и детей и их родителей. Считаю, что именно дети являются жертвами родителей, которые манипулируют ими и втянули их в омерзительный судебный процесс. Меня волнует их дальнейшая судьба. Я понимаю свою ответственность за них, и как священник молюсь об их спасении.

Я осознал, что моя вина заключается в том, что я возомнил о себе, что спасаю мир и что моя активная общественная работа может изменить ситуацию с нравственной деградацией, сделать мир добрее и чище, и, что если я не продолжу свой труд, то и мои сограждане, не смогут измениться к лучшему. Теперь я понимаю, что во многом я заблуждался.

Я провёл более 40 месяцев в застенках разных тюрем, но, несмотря на всё это, я до сих пор продолжаю оста-

ваться, наверное, чрезмерно открытым, наивным и доверчивым. Даже несмотря на всё то, что пришлось пройти мне и моей семье за эти последние четыре года страшных испытаний, я по-прежнему остаюсь в душе ребёнком и верю в правосудие Божие. Я верю, что зло рано или поздно прекратится, а добро победит!

Закончу своё заключительное слово цитатой из одного фильма: "НЕВАЖНО В ЧЁМ ТЕБЯ ОБВИНЯЮТ, ИСТИНА ТЕБЯ ОСВОБОДИТ!"